

Яров С. В.

**Дети в «выморочных» квартирах блокированного Ленинграда
в ноябре 1941 г. — феврале 1942 г.**

«Выморочные» квартиры стали приметой осажденного города. «Выморочными» они назывались потому, что здесь погибали почти все жильцы. Дети, оставшиеся после смерти матери в этих квартирах в возрасте 1–3 лет, были лишены какой-либо поддержки соседей и тем самым обрекались на медленное вымирание. Это одна из самых страшных страниц в истории блокады Ленинграда.

Главным средством спасения детей стал обход квартир. Документы об этом — описания трупов умерших родителей, возле которых пытались согреться и которые обгладывали одичавшие дети, описания покрывавших их вшей и копошащихся рядом крыс, обгладывающих их самих, — читать особенно трудно². До начала января 1942 г. городские власти, похоже, да-

¹ Поучение, сказанное митрополитом Сергием в церкви Иоанна Воина на Б. Якиманке в Москве 12 августа 930 июля н. ст.) 1941 года // *Правда о религии в России*. М., 1942. С. 96–97.

² Информационная сводка оргинструкторского отдела Ленинградского горкома ВКП(б) А. А. Жданову // *Ленинград в осаде*. Л., 1995. С. 414; *Худякова Н. Д.* За жизнь ленинградцев. Помощь комсомольцев населению Ленинграда в блокадную зиму 1941–1942 гг. Л., 1948. С. 55; *Кудрявцева Т. И.* Фотография, которой не было. СПб., 2006. С. 23; Информация Приморского райкома ВЛКСМ Ленинградскому горкому ВЛКСМ // ЦГАИПД СПб. Ф. К-118. Оп. 1. Д. 78. Л. 3.

же не интересовались, в каких условиях живут ленинградцы, не имевшие сил выйти из квартир.

Спасением детей занимались различные люди. Это педагоги, работники школ, детских садов и детских домов, ГОРОНО, РОНО, врачи, комсомольские санитарно-бытовые отряды, управляющие домами, рабочие предприятий, учащиеся старших классов, «тимуровцы», домохозяйки. Нередкими были случаи, когда истощенных детей приводили в детдом их братья и сестры, дальние родственники, соседи; следили за новорожденными и в детских поликлиниках.

До конца января 1942 г. тех, кто проверял квартиры, было куда меньше, чем позднее. О массовой кампании по спасению горожан речь тогда точно не шла. Могут возразить, что многие еще не знали всей правды о гибели людей, — но ведь именно с конца декабря 1941 г. бесконечная череда санок с «пеленашками» стала повседневной приметой жизни в Ленинграде. В документах декабря 1941 г. — января 1942 г. имеется немало свидетельств о том, как ломались нравственные устои в отношениях даже близких людей, — что же говорить о помощи иным, незнакомым людям. На полном довольствии находились только санитарно-бытовые отряды. Для многих это было частью их служебных обязанностей, а их выполняли не всегда ревностно. Да и едва ли обходы квартир были возможны без разрешения властей, даже если в них захотели бы принять участие и просто сердобольные люди, сочувствовавшие чужому горю. В Ленинграде хватало мародеров, грабивших обессиленных горожан и на улицах, и в домах, в том числе и под благовидным предлогом оказания помощи.

Побуждая (а иногда и заставляя) оказывать помощь, власти ставили, прежде всего, практические цели — спасти как можно больше людей. Но, опекая слабых, люди оказывались в сильнейшем «эмоциональном» поле. Многие из них впервые увидели такую бездну непередаваемого горя, чудовищные картины распада человека. Сколь бы ни были они привычны к подобным картинам, но нередко случалось и такое, что потрясало даже и их, и след этого потрясения не исчезал и многие годы спустя.

Отметим в связи с этим сообщения секретаря одной из фабрик М. Н. Абросимовой. Ее вызвали в райком партии вместе с другими секретарями парторганизаций и попросили расселить детский приемник на улице Подольской. Предполагалось, что детей смогут перевезти на предприятия, где они способны получить тот уход, которого они были лишены в приемнике. Дело в том, что сеть детских домов Ленинграда не была рассчитана на то, чтобы вместить в себя такое количество сирот, многие из которых находились на пороге смерти. Никакого обязательного постановления по этому поводу принято не было, лишь попросили проявить милосердие к детям.

То, что увидела Абросимова в этом детском доме, потрясло ее: «Детишки... — дистрофики второй и третьей стадии. Они не стояли на ногах,

все почти страдали кровавым поносом. ...Лежали по 5–6 человек, скорчившись, грязные, завшивевшие, замерзшие, они не вставали. Ходили под себя — вид был жуткий. В помещении температура была +5—+6. Возраст детей был от трех до пяти лет». Она особо отмечала ветхую одежду, в которую были облачены сироты: «Одеты они были кто в чем. У кого ноги обмотаны тряпками, у кого ботинки рваные, на босую ногу, у кого валенки. Чулок не было ни у кого. У кого летняя шапочка, у кого что!»¹

Детей перевозили в фургонах, они были очень слабенькие, промерзшие, помыть их было некому: «Буквально по тебе течет, когда ты их несешь». Люди, работницы фабрики, приняли близко к сердцу страдания несчастных детей. «Работницы в нерабочее время шили и перешивали белье и платица для этих ребят. Сшиты были костюмчики новые, платья, ботиночки сшили из сукна шинельного... Нагрели там баки с горячей водой... Одели в чистое белье, потом привели в чистую комнату, уложили в кровати, напоили и накормили горячим...»²

Секретарь Приморского райкома ВЛКСМ М. П. Прохорова вспоминала о том, как совершала обходы «выморочных» квартир. Тон ее записки чисто деловой (в описаниях того, когда, кому и как помогали), язык близок к канцелярскому лексикону — это обычный отчет о проделанной работе. Но вот что она обнаружила во время одного из обходов: «В квартире мальчик сидит среди трех трупов взрослых людей. Нам не удалось установить, сколько он так сидел, но, очевидно, трое суток». Она продолжает свой отчет привычными словами: «Мы тогда убедились, как нужна была наша помощь». Но ей не остановиться и не успокоиться — она опять возвращается к спасенному ею ребенку: «Мальчику этому было три года, совсем малютка, а он сидел среди трупов». По дальнейшей записи видно, как она пыгается уйти от этого ужаса — «мы ходили, проверяли работу отряда», — и вновь через несколько строк описание все той же сцены: «Мальчик этот и сейчас у меня перед глазами. Замерзший весь, с посиневшими губами, казалось, еще несколько минут, и он умрет. Вид у него был настоящего старичка. Он, видимо, хотел выразить радость, что увидел живых людей» — его страшная старческая улыбка поразила Прохорову сильнее, чем все другие подробности этой сцены³.

Есть что-то странное в повторении одних и тех же цифр: трехлетний мальчик в трехдневном одиночестве среди трех трупов. Может быть, первая деталь, бросившаяся ей в глаза — три трупа, столь сильно обожгла ее, что это число подсознательно повторяется и в догадках о том, что ей не до конца было известно: о возрасте ребенка, сроке его голодовки. Повторы

¹ Стенограмма сообщения Абросимовой М. Н. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 307. Л. 40.

² Там же. Л. 41–43.

³ Прохорова М. П. [Стенографическая запись воспоминаний] // Оборона Ленинграда 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 451.

здесь примечательны. Это в бесхитростных, почти совпадающих дословно риторических рассказах чувствуются окостеневшие каркасы. В последовательных наплывах образов несчастного ребенка, от которых никак не избавиться, улавливается изменение оптики взгляда. Он становится едва ли не микроскопическим — следя за ним, можно отчетливо выявить, как возникает чувство сострадания. Общий, мимолетный взгляд на жуткую сцену сменяется более пристальным взглядом на мальчика и затем предельной концентрацией внимания на приметах его угасания. Внимание к губам, коже, улыбке, соединению несочетаемого, младенчества и старости — не оторваться от всего этого, не скрыть примитивным пафосом.

Читая отчеты обходивших квартиры людей, мы видим, что их деловой тон, с характерными канцеляризмами, перечнем цифр и фактов, не всегда выдерживается до конца. Он прерывается эмоциональными репликами и подробностями, которых никто не требовал, но о которых не считали себя вправе умолчать.

В дневниковой записи директора детдома А. Н. Мироновой 28 января 1942 г. вначале бесстрастно передаются данные об обнаруженном ею сироте: улица, дом, квартира, имя, фамилия, возраст. Здесь можно было и остановиться — не удастся: «Мать умерла в очереди... Мальчик ночь и день лежал с мертвой матерью — “Только холодно было мне от мамы”. Юра не хотел идти со мной, плакал, кричал. Трогательно было прощание Юры с мамой. “Мама, что с тобой сделали, что ты, мама, со мной сделала. Я не хочу идти в д/дом”»¹. Деловая запись сменяется сочувственным рассказом, прерывается эмоционально насыщенным диалогом и заканчивается почти что криком — и так до конца, пока автор дневника не выговорится, охваченный этим нарастающим переживанием.

Крик, шепот, обрыв рассказа, отбор «блокадных» эпизодов, ласково-уменьшительные слова — везде чувствуется этот надрыв, когда вспоминают о спасении детей: «Открываешь, бывало, дверь в квартиру, смотришь, ребеночек к материнской груди прижимается, есть просит, а мать... холодная. Завернешь дитенка во что потеплее и скорей в больницу»². «Дитенок», «ребеночек», «есть просит», «прижимается» — вот эмоциональный след этого акта спасения, не истершийся и десятилетия спустя.

Патетичность ряда записей в отчетных документах подчеркивает, сколь высоко оценивали подвиг спасения детей. Общение с ними оставляло у всех неизгладимый след. Дети трогательно благодарят, плачут, жалуется. Они цепляются за тело погибшей матери, рассказывают, как хорошо было с ней, они беззащитны и вызывают глубокое сочувствие — как здесь быть спокойным? У каждого ребенка свои, неожиданные, вопросы и отве-

¹ *Миронова А. Н. Дневник. 20 января 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 69. Л. 10 об.*

² *См.: Запись воспоминаний А. Н. Тихоновой // Кудрявцева Т. А. Указ. соч. С. 23.*

ты, каждый по своему переживает горе, просит о чем-то, особенно нужном ему, рассказывает о своем, глубоко личном — как здесь очерстветь? «Я оживел» — эти слова одного из спасенных мальчиков, которого обогрели и напоили горячим чаем¹, помнили и годы спустя — как это может уйти бесследно?

И дело не ограничивалось только обходом квартир. В «смертное время», когда ничто не было таким дешевым, как жизнь, создавался устойчивый настрой, который не позволял, несмотря ни на что, безразлично относиться к погибающим детям. Сандружинницы слышали благодарность прикованных к постели матерей, надеявшихся, что их дети избежали смерти — едва ли их слова могли быть спокойными. Люди спасали сами и видели, как спасают другие, нередко жертвуя собой — и общее дело спланивало их. И мало было найти сирот. Надо было их согреть, бережно донести до стационара, вымыть, обогреть, утешить, накормить, вынести из-под обстрела² — так, в последовательности этих шагов укреплялась блокадная этика.

И делали все, чтобы облегчить жизнь сирот. Собирали подарки, белье и одежду, обувь и посуду³, создавали детские дома на фабриках и заводах⁴. Помощь сиротам становилась делом сотен людей, в том числе и тех, чье положение было иным, кто не видел такой бездны горя. При этом взывали к лучшим чувствам людей и их состраданию, напоминали им о человеческом долге — и ничто не проходило бесследно. Это было не только спасение детей — это было и восстановление цивилизованности в нецивилизованных условиях. Целый каскад разнообразных чувств — скорбь, любованье малышами, гордость, сочувствие, желание помочь — позволял противостоять безразличию, жестокости, цинизму.

И возмущение людей при виде безобразий, творившихся в детских домах, — тоже след еще не утраченной человечности. Помещение сирот и безнадзорных детей в детский дом не всегда являлось легким. По прошествии десятков лет спасенные в детских домах люди были склонны многое идеализировать, и это понятно. Когда читаешь их признания о том, как сытно их накормили в первый раз в детском доме, этому веришь, зная, что

¹ Худякова Н. Д. Указ. соч. С. 55.

² О спасении детей в Дзержинском ДПР во время обстрела см.: Котов С. Д. Детские дома блокадного Ленинграда. СПб., 2002. С. 26.

³ Дзенискевич А. Р., Ковальчук В. М., Соболев Г. Л., Цамутали А. И., Шишкин В. А. Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Л., 1985. С. 118.

⁴ См. воспоминания рабочего фабрики «Большевичка» А. Т. Пименова: «В январе 1942 года по указанию районных организаций фабрикой был открыт детский дом, где было помещено 75 детей сирот <...> Фабрика организовала этот детский дом своими силами <...> Работницы сами чинили сапоги для детей из остатков шинельного сукна» (Стенограмма сообщения А. Т. Пименова. 4 марта 1943 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 307. Л. 8).

Многие из них были закутаны в ветхое тряпье — это хорошо видно по сохранившимся фотографиям. Акты приемки детей, эвакуированных через Ладогу, показывают, как они были плохо одеты и истощены¹.

Было и другое. Здесь не всегда считались с чувствами детей и не всегда церемонились с ними. И может быть, зная об этом, некоторые дети прятались и требовались немалые усилия, чтобы их доставить в ДПР. «Мы попали в детприемник... Нас остригли и заставили таскать ведра с нечистотами»² — навсегда ушел в прошлое тот мир, где были уют и забота матери. В постановлении секретариата Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ 16 марта 1942 г. предписывалось, и вполне резонно, привлекать детей к работе «по уходу за более слабыми и младшими по возрасту детьми»³ — но все ли умели облекать³ приказы в щадящие достоинство и самолюбие детей формы?

Вид несчастных, обездоленных, оставшихся без надлежащей заботы детей рождал сильный эмоциональный отклик. Как обычно и бывает в этих случаях, отмечаются только самые ужасающие эпизоды, самые страшные муки детей⁴. Как отмечала в дневнике Н. Г. Горбунова, «дети привозились грязные, вшивые, почти раздетые и истощенные до того, что жутко было брать ребенка на руки». В дневнике директора детского дома А. Н. Мировой рассказывается о таком случае: «Взяла девочку... рождения 1931 г. Отец на фронте, мать умерла. Тело матери лежит на кухне. Девочка грязная. На руках чесотка, нашла ее в груди грязного белья под матрацем. Карточки похищены». Еще более страшная картина представлена в стенограмме сообщения А. Я. Трифонова: «В доме на Ватениной лежит мать на кровати а вокруг нее ползают ребятишки. Грязища кругом невероятная! Закопченные, невыносимое зловоние в комнате. Картина жуткая. Света нет. Маленькая девочка хватает мертвую мать за руку и слабеньким голоском стонет: “Мама, кушать хочу!” Другой ребенок смотрит бессмысленными глазами, с опухшим старческим личиком и... ничего не говорит». Не менее жуткие сцены пришлось увидеть А. Д. Якуниной: «Открыли вторую кровать — там шевелятся два малыша (2 лет и меньше), и в этой же кровати вместе с ребятами лежит объединенный труп женщины. У женщины объедено лицо, груди. Трудно сказать, дети это сделали или крысы. Но дети не были тронуты, а труп объеден. Одна нога этой женщины торчала в чулке,

¹ См. выдержки из этих актов: *Котов С. Д.* Указ. соч. С. 40.

² Запись воспоминаний В. Тихомировой // *Разумовский Л. С.* Указ. соч. С. 60.

³ Постановление секретариата Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ «Об ответственности комсомольских организаций за выявление и устройство безнадзорных детей» 16 марта 1942 г. (цит. по: *Котов С. Д.* Указ. соч. С. 32).

⁴ *Горбунова Н. Г.* Дневник // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 30. Л. 6; *Минова А. Н.* Дневник. 28 января 1942 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 69. Л. 10 об.; Стенограмма сообщения А. Я. Трифонова // НИА СПб ИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 123. Л. 17 об.; Стенограмма сообщения А. Д. Якуниной // Там же. Д. 144. Л. 33–34.

другая без чулка... Волосы их были буквально унижены, как бисером, вшами и гнидами».

Бесполезно блокадникам, увидевшим горе детей, говорить, как сейчас все голодают, что это неизбежно, что лучше спасти тех, кто сможет выжить. «Как это вы делаете? Так нельзя!» — ответили служащие исполкома работникам одного из детдомов, увидев, как отбирают детей для эвакуации¹. Записанный Л. Разумовским рассказ воспитательницы детдома посвящен эвакуации детей из Ленинграда. Ехать должны были только самые крепкие из них. Это дети-сироты, и одна лишь мысль о том, что кого-то надо спасать, а кого-то нет, настолько аморальна, что придает ее объяснениям эмоциональный характер, с характерными междометиями и патетическим тоном: «Разве мы были неправы! Время было такое!» Перед нами исповедь послеблокадных лет, здесь в большей степени должны были оглядываться на нравственные правила, присущие мирному времени, — отсюда и ее стиль. Вероятно, это и неизжитый след давнего переживания, и не случайно начался такой разговор. Конечно, можно было бы утаить эту историю — но она к ней возвращается вновь и вновь, страстно и горячо. Каждый ее ответ любой человек, кто знал хотя бы и понаслышке о блокадном быте, мог сопроводить нелюбезными комментариями, высвечивая хаотичность оправданий. Вот довод в пользу того, чтобы оставить детей в Ленинграде: «Когда нас на Финляндский вокзал привезли, только мы к вагону — сирена! Бомбежка! А у нас двадцать детей! Мы все бегом в бомбоубежище вместе с ними. ... А что бы мы делали со слабенькими. Их бы не уберегли и других бы потеряли»².

Обращение к другим людям с надеждой, что они не осудят и поймут, не раз звучит в ее оправданиях. Может быть, это и признание шаткости ее доводов. Она говорит так, будто знает, что ей могут задать и неприятные вопросы. Разве жизнь под бомбежками в городе являлась менее опасной, чем в эвакуации, где дети были избавлены от налетов и обстрелов? Этих, самых слабых, не способных дойти до убежища, и следовало оставлять в Ленинграде? Здесь бы их уберегли?

О том, как отбирали детей, стоит рассказать подробнее: «Устроили испытание, возможное в тех условиях: ставили ребенка у стенки комнаты и предлагали пройти до другой стенки. Если ребенок нормально проходил это расстояние, мы считали испытание оконченным и оставляли его в списках на эвакуацию. Если же он несколько раз падал или вообще не доходил до стенки, мы его оставляли в детдоме, чтобы подправить и подготовить к следующей отправке»³.

¹ Запись рассказа К. Н. Галченковой // Разумовский Л. С. Указ. соч. С. 50.

² Разумовский Л. С. Указ. соч. С. 50.

³ Там же. См. о проведении отбора детей для эвакуации: Котов С. Д. Указ. соч. С. 200; Магаева С. Ленинградская блокада: психосоматические аспекты. М., 2001. С. 53.

Характерно это слово: «подправить». Можно было сказать «подкормить» — но понимали, что это могли сделать только в эвакуации. В Ленинграде же летом 1942 г. жители с ужасом ждали предстоящую зиму. Можно было сказать «подлечить» — но это вызвало бы насмешку, поскольку ассортимент блокадных аптек был хорошо известен. Так и нашли это диковинное и многоемкое слово «подправить» — и не надо отвечать на вопросы о том, где в осажденном городе могли найти продукты и лекарства, необходимые для спасения детей.

Заметим, что было немало случаев, когда уезжали люди обессиленные, требовавшие ухода. Многих жителей города нельзя было эвакуировать, а за них хлопотали. За ними ухаживали, их везли на вокзал в санках, вносили в вагон буквально на руках, кормили с ложечки. Это было, конечно, труднее, чем устроить отбор, но куда честнее, чем говорить о возможности «подправить» здоровье блокадными пайками под жесточайшими обстрелами.

Люди, одернувшие «селекторов», вызывали у последних плохо скрываемое раздражение: «Явились две теткы из исполкома, стали шуметь». От них защищались исчерпывающими, как казалось, объяснениями: «Дайте на каждого ребенка по сопровождающему, тогда и будет как надо»¹. С этим спорить трудно, если не знать, что такая арифметика обрекала детей на гибель. «Теткы из исполкома» в своих действиях, направляемых бюрократическими инструкциями, оказались гуманнее тех, кому была доверена судьба детей. Известен случай, когда эвакуированная женщина несла ребенка в зубах, потому что обморозила руки — разве она требовала сопровождающих? Блокада тем и отличалась от обычного времени, что не находилось для каждого голодного целой буханки хлеба, для каждого больного отдельной койки, для каждого погибшего отдельного гроба, для каждого умирающего ребенка способной заботиться о нем матери. И никого бы не спасли, если бы выдвигали условия, ссылались на трудности, приводили «защитительные» доводы. А оправдать можно было все что угодно. В Доме малютки, как сообщал один из мемуаристов, «маленькие дети из-за холода примерзали к пеленкам»². Райисполком разрешил сломать на дрова пивные ларьки и заборы только после обращения рабочих, — и не узнать, кто и перед кем здесь оправдывался, стараясь не замечать, как страдали дети.

Но ничто не проходило незамеченным. Возникал своеобразный перекрестный контроль, имевший неизгладимый нравственный след. Контроль не утративших чувство сострадания идеалистов над прагматиками-бюрократами, контроль тех, кто еще не оправился от потрясения при

¹ Запись рассказа К. Н. Галченковой // Разумовский Л. С. Указ. соч. С. 50.

² Федоров Б. П. [Стенографическая запись воспоминаний] // Оборона Ленинграда. Л., 1968. С. 467.

взгляде на брошенных детей над теми, кто очерствел, видя их каждый день, и наконец, контроль государства над всеми, кто уклонялся от выполнения своего долга. Чувство боли от переживаний детей, чувство ужаса от того, что они оказались на блокадном дне, чувство неприязни к тем, кому они безразличны, чувство радости от их спасения, чувство жалости к их умиравшим родителям — все это возвращало человеку самоуважение, честь и достоинство.